

"Вечерняя Москва" № 5
г.р. Москва. 1933 г. 6 января.

ОТ ФУРГОНА К СЦЕНЕ

Московскому театру юного зрителя исполнилось пять лет. Он отрадно рад своей юбилей. Несколько странно говорить о юбилее театра, до сих пор не имеющего своего помещения. До сих пор его мастера репетируют в каком-то сарае, у Москворецкого моста. Но говорят нет худя без добра. По этой ли причине, по другой ли, этот театр стал наиболее массовым и лучшим в самом народном смысле этого слова. Пять лет выступал он на площадях и бульварах, на детских площадках. Несложное хозяйство улаживалось в веселый и раскрасавленный ящик, ящик ставился на фургон, и бежали в ящиках лошади развозила актеров по улицам. Театр выезжал и вглубь страны, кочуя по колхозам Волги и центральной полосы. К нему шли деревенские дети и плелось за ними взрослое, с удовольствием слушающее зажиточные представления.

Миллион с четвертью зрителей, миллион с четвертью будущих большевиков запомнил свой театр, с его песнями в шутках, с его замечательными строгими ящиками, когда на глазах у восторженных ребятшек возникал, например, автомобиль. Он закидал ершом фары и с веселым шумом отправлялся в путь. И взрослый зритель воспринимается в театре, но для детей — это в первую очередь школа, замечательная и поучительная.

В чем отличие какого-нибудь утробника от специального детского театра? И тут — там сидят в зрительном зале школьники. Стоит ли в самом деле заводить особые театры для детей? Ответ прост. Мы никогда не отвяжем видеть в театре зеркало жизни. Я скажу точнее: зеркало своей жизни. Увидит ли на утробнике школьник свою жизнь? Нет. Он случайно оказался на спектакле, который случайно ему пригодился, который случайно оказался для него подходящим. Несмотря на то, делается со взрослыми рабочими, когда он сидит в Театре революции и смотрит "Мой друг" или у Корша, где ему показывают "Время вперед". Все насущные вопросы вынесены на сцену. В антуражах Гае и Маргулиесе зритель узнает родных, близких, а может и себя самого. И сидит в зале этакий партийный чиновник. Он мрачнее и мрачнее, когда весь зал издается и хочется видными головами, надпартийными чиновниками Елкиным и Семечкиным. Театро перелетел сцена и зал. Это диалог, это борьба, это занятный и веселый горячий диспут. Дело, начатое утром, продолжается вечером.

Вернемся к малышу. У него есть своя жизнь. У него есть жизнь школы с ее красочными и смешными сторонами, с ее соревнованиями и "лодырями". У него

есть жизнь пионерского отряда и дружка. Он хочет увидеть себя на сцене, себя и друзей своих, а также и своих восторгов. Тут ему приходит на помощь детский театр. Вот почему этот миллион с четвертью ребятшек так полюбил этот театр юного зрителя. Дано, началось утром в школе, продолжается днем (или в ранний вечерний час) на сцене. И страсти, разгоревшиеся днем (или в ранний вечерний час) на маленькой сцене МТЮЗ'а или иногда просто на фургоне, будут иметь свое продолжение утром в школе и в пионерском отряде.

Недавно Станиславский говорил о нашем новом зрителе. Он — юный зритель — удивительно сильно реагирует на происходящее на сцене. Это не прекрасный пресыщенный, холодный театроман. Театр получил исключительное благодарного зрителя, свежего и темпераментного. Станиславский имел в виду взрослого зрителя. Был такой случай. Преступник заметил следы своего преступления. По зрителям-детям знал, что убийца именно он. И, когда негодный критически спрашивал одного из героев:

— Кто же убийца?

— Дети возмущенно закричали на весь театр:

— Что же ты врешь! Ты же сам его убил!

Песни, распеваемые на сцене, уносились домой и звучат потом в школах и на площадках. На юбилейном вечере было много детей. Все они несколько раз видели "Варяж", отрывок из которого был здесь показан. Был последний час. Руководитель театра Аугендер сказал:

— Школьники, я вам должен сообщить неприятное известие. Вам пора домой.

— Мы не малышки! — закричали в зале.

Но с ними не согласились, и наиболее опытные из них были вынуждены покинуть зал. Некоторые поостарые все же остались. Я следил за их лицами. Когда отец (китайск кустарь) вырвал у сына книжку, на их лицах появилось возмущение. Я спросил одного:

— Какой раз ты смотришь эту шпесу?

— Пятый.

А сентимент, а острота восприятия не убавалась!

Этот миллион с четвертью посетителей Театра юного зрителя пребывает для него помещением. Получил стационар, театр выйдет из периода становления и сделается настоящим большим детским театром. Мы уверены, что он от этого не забудет и не забудет про свои улицы и дворы, про свои площадки и колхозные сараи.

Г. ГАТ